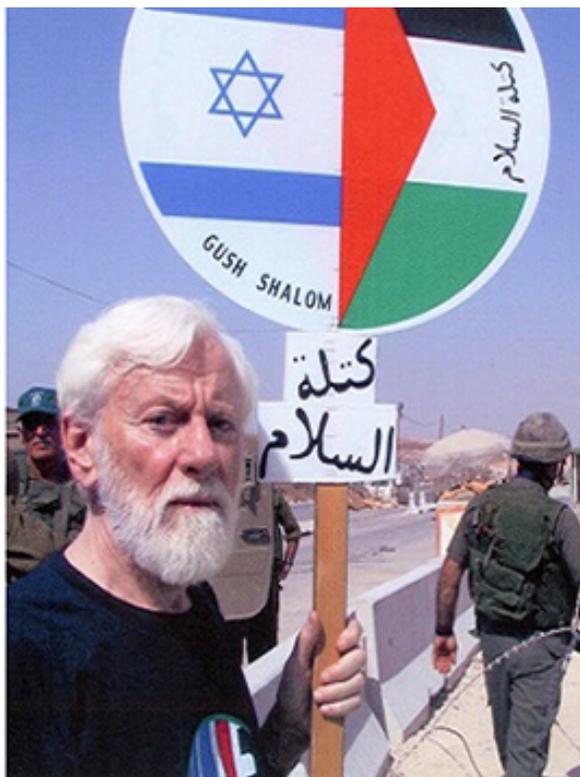

Ури Авнери. Памяти «последнего сабры»

Последнее фото в Германии, 1933

На демонстрации у КПП а-Рам, 2002

«Солдат, журналист, политик», — так начинается один из некрологов памяти Ури Авнери, который скончался в Тель-Авиве, немного не дожив до своего 95-летия. «Умер пацифист», — озаглавлен другой. В ортодоксальном издании «а-Модиа» его назвали оводом, отнюдь не имея в виду героя известного романа Войнич. И лишь заголовок в одной испанской газете гласил — «Смерть оптимиста», намекая, что непреклонная вера в лучшее будущее и историческую справедливость всегда определяла поступки усопшего.

Еврейская пословица гласит, что пока живы родители, мы остаемся детьми. Ури Авнери — последняя крупная фигура из поколения основателей Государства Израиль. Правда, американский штамп «отцы-основатели» вызывает в памяти известное фото Бен-Гуриона, провозглашающего Еврейское государство. Ури был значительно моложе...

Кумирами и ролевыми моделями юного Израиля принято считать уроженцев

страны — Моше Даяна, Игалья Алона, Игалья Ядина. Будучи воспитанными властными еврейскими матерями, они шли в армию и разведку — сферы, где можно было стать героями, при этом подчиняясь строгой дисциплине. Настоящими сабрами — резкими и упрямыми — оказались не уроженцы Израиля, а такие, как Ури Авнери (Гельмут Остерман), который родился в 1923 году в буржуазной семье в Германии. Я встречался и беседовал с Авнери несколько раз, и таким истинным саброй он мне запомнился. Скажу больше — он был одним из творцов идеала сабры, наряду с Эфраимом Кишоном (родился в 1924-м в Венгрии как Франц Хоффманн) и Даном Бен-Амоцем (родился в 1923-м в Польше как Муся Теилимзейгер). Все трое создали себя в стране, в которую приехали. Сформировав для этого из ничего израильскую идентичность, на которую равнялись потом «урожденные» сабры. Далеко не всем это удавалось. Шимон Перес так никогда и не стал своим в той сабровской компании. Авнери ненавидел Переса, зато прославлял как новых израильтян генералов Ариэля Шарона и Рехавама Зеэви.

Ури всю жизнь сознательно занимал радикальные позиции, бросая вызов устоявшимся мифам. Одним из первых он заговорил о решении израильско-палестинского конфликта в рамках двух государств (при этом еще в 1960-е призывал к аннексии Голанских высот, голосовал в Кнессете за аннексию Иерусалима).

Еще раньше он озадачил израильское общество сравнением сионистов с крестоносцами. Ведь те тоже пришли освободить святую для них землю, так же любили и защищали ее 120 лет и все равно сгнули. Рядовой Авнери задумался об этом, когда его часть стояла в арабской деревушке на краю сектора Газа, тогда включавшего и Ашкелон.

Крестоносец — вовсе не комплимент на Ближнем Востоке — ни для евреев, ни для арабов, ни для самого Ури, который считал их варварами, осаждавшими просвещенный мусульманский Левант. Благонамеренные, но невежественные европейские левые называли крестоносцем самого Авнери. Крестоносцем, идущим против государственной коррупции, за права палестинцев и т.д.

Член ЭЦЕЛ, 1940

На Войне за независимость, 1948

16-летним пареньком Ури вступил в подпольную организацию ЭЦЕЛ, которой командовал Менахем Бегин и которую тогдашняя ивритская пресса клеймила как террористическую и фашистскую. Тем не менее будущий «левак» Авнери вступил именно в ЭЦЕЛ, а не в социалистическую «Хагану». Слишком молодой, чтобы участвовать в боевых акциях — нападениях на арабов и британских солдат, он редактирует и распространяет ревизионистский журнал «Ба Маавак» («В борьбе», — ивр.). Ведущие СМИ тех лет, если достаивали это издание вниманием, то неизменно сопровождали эпитетом «фашистский». Мне как-то попались эти журналы... Не выношу, когда ярлык «фашизма» лепят ко всему на свете, но в данном случае риторика «Ба Маавак» действительно напоминала итальянские и немецкие газеты 1930-х годов. Впрочем, тогда Авнери боролся за отрицание местечкового еврейского наследия и региональную интеграцию с арабами Леванта на общей семитской основе.

В те годы все верили в социальную справедливость, и водораздел на левых и правых проходил по совсем другим осям, чем сегодня. Удивительно, как много левых было среди ревизионистов в ЭЦЕЛ и особенно в ЛЕХИ, — писатель Амос Кейнан, например, и даже третий номер партии «Херут» Натан

Елин-Мор. В 1967 году Елин-Мор подписал воззвание против «израильской агрессии», опубликованное в газете «Правда», а в 1971-м вместе с другим бойцом ЛЕХИ — Максом Гиланом — создал в Париже Израильско-Палестинский совет. В 1965 году Елин-Мор помогал Ури Авнери и группе левых активистов создать партию «Мацпен» («Компас»). Тогда Ури впервые стал депутатом Кнессета.

Меня порой упрекают, что я переношу внутренний свободный и парадоксальный израильский дискурс с иврита на русский, где меня могут неправильно понять. Одним из отцов такого дискурса был Ури Авнери. Свой журнал «А-олам а-зэ» («Этот мир») он превратил в ведущее израильское полемическое издание, на протяжении сорока лет без сожаления резавшее священных коров, сражавшееся с государственной и партийной коррупцией, разоблачавшее глупость и демагогию. При этом надо понимать, что Израиль в первые тридцать лет своего существования по сути был восточноевропейской страной народной демократии.

Редактор «А-олам а-зэ», 1951

После теракта в редакции, 1955

Авнери первым рассказал о резне, устроенной боевиками ЛЕХИ в арабской деревне Дир Ясин. На его счету разоблачение аферы Ашера Ядлина —

афериста, переводившего государственные деньги в карманы функционеров Партии труда и чуть не назначенного главой Госбанка Израиля. Он вскрыл хищения в ведомстве министра жилищного строительства Авраама Офера, коррупцию главы банка «Апоалим» Якова Левинсона и многое другое. Эти разоблачения называют причиной «политического переворота», который привел к власти Менахема Бегина в 1977 году.

Роль Ури Авнери в становлении израильской журналистики огромна — он воспитал целую плеяду журналистов, занявших ключевые позиции в израильских СМИ. Собственно, и я пришел к нему, готовя проект телесериала о советском шпионаже в Израиле. Меня интересовали материалы о советских добровольцах, участвовавших в Войне за независимость, и особенно статья Авнери «Куда делся Сашка-комиссар?» — первое упоминание о деятельности советской агентуры в Израиле. Напомню, статья вышла, когда с СССР поддерживались корректные отношения, а вся израильская элита появлялась на приемах с икрой и шампанским в советском посольстве в Рамат-Гане.

Жена премьер-министра Леви Эшколя вспоминала, что когда они с мужем въехали в резиденцию главы правительства, то среди прочего обнаружили привычку еженедельно покупать «А-олам а-зэ». Давид Бен-Гурион, не упускавший случая ругать этот «грязный журналчик», читал его от корки до корки.

Первый день в Кнессете, лицом к лицу с Бен-Гурионом, 1967

«А-олам а-зэ» нарушал многие табу, поэтому Бен-Гурион и его «мальчики» — Моше Даян и Шимон Перес — были в бешенстве. Глава контрразведки Иссер Харель внес журналиста в список «врагов государства» и даже предложил Бен-Гуриону арестовать смутьяна, но «старик» потребовал заручиться согласием лидера оппозиции Менахема Бегина. Харель обратился к Бегину, а тот рассказал все Авнери.

С Менахемом Бегиним и Анваром Садатом, 1979

С Ариэлем Шароном, 1981

В течение трех лет в ШАБАКе делали свой журнальчик «Римон», копировавший «А-олам а-зе», чтобы обанкротить Авнери. На редакцию несколько раз нападали, подкладывали бомбы, поджигали. Самого Ури ранили ножом, а в другой раз сломали обе руки. Впрочем, все это не мешало Авнери дружить со многими высокопоставленными политиками и военными. Он был частым гостем в доме премьер-министра Леви Эшколя, обладавшего, в отличие от Бен-Гуриона, замечательным еврейским чувством юмора.

С тем же пылом, с которым Авнери боролся за отмену военного положения в арабском секторе, он сражался и за признание роли ЭЦЕЛа в борьбе за независимость Израиля. Бен-Гурион не раз называл ревизионистов фашистами, оставляя их за рамками политического консенсуса. Израильский политик Лева Элиав рассказывал, как от имени главы правительства Леви Эшколя его отправили в 1964-м к Бегину — сообщить о разрешении перенести останки основателя ревизионистского движения — Зеэва Жаботинского — из США в мемориал на горе Герцля в Иерусалиме. Первой реакцией Бегина было: «Этот Авнери таки добился...».

Некоторые называют Авнери антисионистом — кто с осуждением, а кто и с

похвалой. На самом деле он как раз и был сионистом, в том самом первоначальном смысле, когда сионизм означал движение за национальное, культурное и социальное освобождение еврейского народа, а не еще один ближневосточный национализм. Ури сражался в Войне за независимость, был ранен. Когда государство было создано, то для него (как и многих других) сионизм победил, и продолжать говорить о сионизме значило отрицать израильский суверенитет. Отсюда и его глубокая солидарность со страданиями палестинского народа. Триумф сионизма и создание Израиля сопровождались Накбой — национальной трагедией палестинцев, и Авнери, как и многие тогда в Израиле, чувствовал свою ответственность перед ними. Он предлагал не сдаваться или отдавать что-либо, а найти решение палестинской проблемы, которое видел в создании палестинского государства на Западном берегу и в Газе.

Постепенно эта идея стала главной концепцией урегулирования, принятой израильскими правительствами и мировыми державами. В разгар израильской осады Бейрута в 1982-м он — один из первых израильтян — открыто встретился в столице Ливана с лидером ООП Ясиром Арафатом. С трибуны Кнессета звучали тогда призывы судить его за измену, а мать Авнери Хильда Остерман переписала завещание: «Я не оставляю ни копейки моему сыну Ури, поскольку вместо того, чтобы ухаживать за мной, он поехал на встречу с этим убийцей». Прошло не так много лет, и Арафату пожимали руку израильские лидеры на лужайке Белого дома.

В ходе интервью с Арафатом, Бейрут, 1982

Авнери продолжал говорить и писать о двух государствах и тогда, когда эта идея становилась все менее популярной даже среди его левых друзей. Он верил, что другие варианты куда хуже.

Вместе с тем окно возможностей для решения в рамках двух государств захлопывается. Правая идея Великого Израиля побеждает, и новое поколение палестинцев на Западном Берегу и в Газе не верит, что их государство возможно в ином формате, кроме как пребывающая в блокаде Газа. Палестинцы переходят к борьбе за права человека и гражданские свободы в рамках Великого Израиля, и это пугает израильтян еще больше, чем идея двух государств.

Гельмут Остерман с семьей приехал в Палестину в 1933-м — после прихода Гитлера к власти. Сегодня его автоматически бы зачислили в категорию жертв Холокоста. Сам он имел о жертвенности иное представление. «Я скажу тебе кое-что о Холокосте, — писал Авнери британскому журналисту Роберту Фиску. — Приятно верить, что пострадавшие очистились своим страданием. Но выходит наоборот. Страдания делают людей хуже. Больные люди, когда им больно, не способны говорить ни о ком, кроме себя. После чудовищных

вещей, произошедших с нашим народом, чувствуешь, что с людьми ничего нельзя поделаться. Вы получаете моральное «право» делать все, что захотите, поскольку ничто не может сравниться с тем, что произошло с нами. Это иммунитет от морали, который очень явно ощущается в Израиле».

Авнери был верным сыном еврейского народа, а *шейнер ид* — хорошим евреем, который чувствует чужую боль, любит правду и не терпит кривды. Как говорили у нас дома, — быть евреем — это, прежде всего, быть *а мэнч*, человеком. Я всегда уважал его борьбу за свободу слова и, несмотря на серьезные разногласия, для меня важнее общее стремление обеспечить Израилю свободное и надежное будущее.

Михаэль Дорфман, специально для «Хадашот»